

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

АЛЕКС МАРШАЛЛ

КОРОНА

за

ХОЛОДНОЕ
СЕРЕБРО

☞ **БАГРЯНАЯ ИМПЕРИЯ** ☞

КНИГА 1

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
М 30

Alex Marshall
A CROWN FOR COLD SILVER
Copyright © Alex Marshall, 2015
All rights reserved
This edition published by arrangement with The Cooke Agency,
through Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Анны Олефир
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-10227-9

© А. Олефир, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Всем моим соратникам-варварам

море
Призраков

Горький залив

Золотой Котел

Хвабун

Отеан

НЕПОКОЯЩИЕ ОСТРОВА

Линкенштерн

Ноттап

Черные
Каскады

Курск

Эйвинд

АЗГАРОТ

Кокспар

УТРАКАР

Харапок

Язык
Жаворонка

БАГРЯНАЯ
ИМПЕРИЯ

Кравьяд

Зменное

РАНИПУТРИЙСКИЕ
ДОМИНИОНЫ

Мьюра

Катели

Тхангифакс

Зигнема

Найлс

УСБА

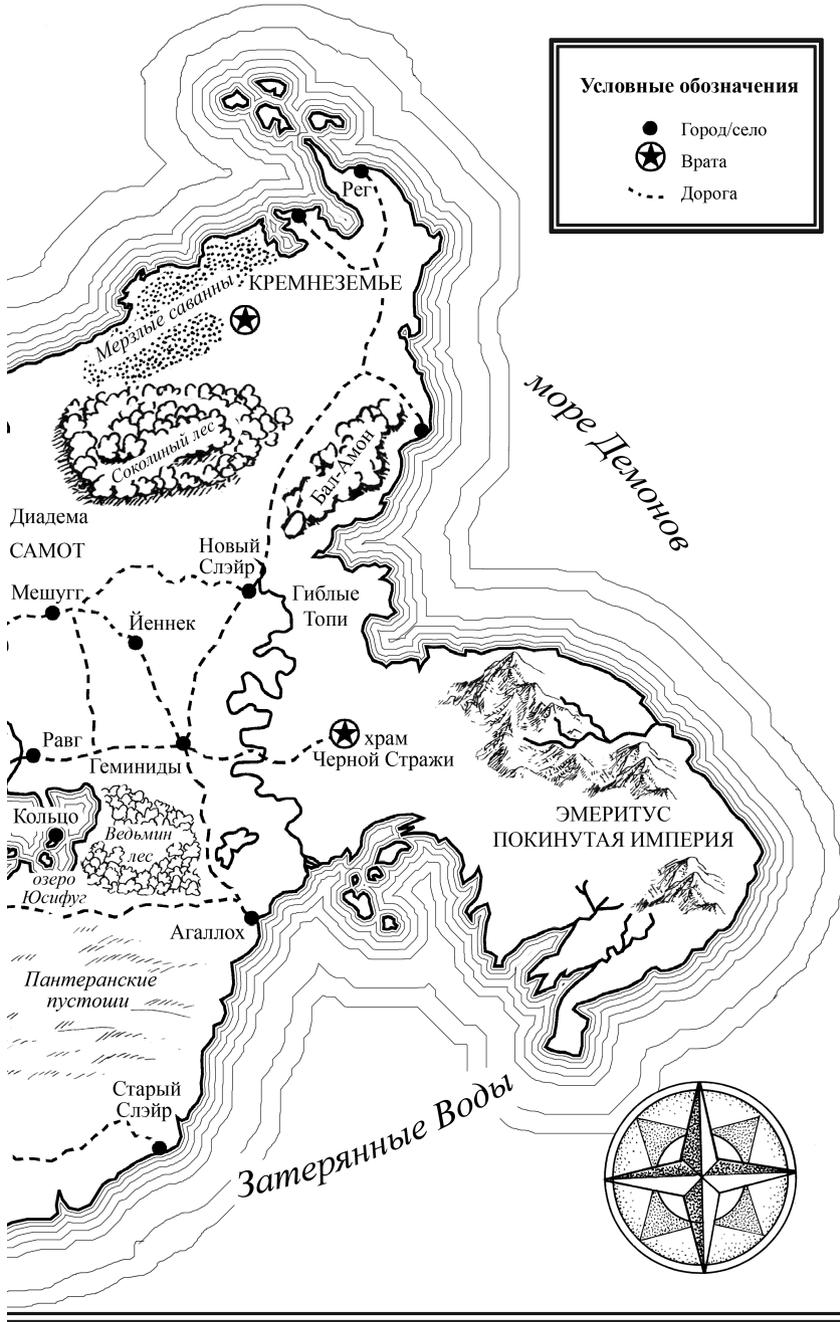
Трве

Медовые Глубины

Условные обозначения

- Город/село
- ★ Врата
- Дорога

ЧАСТЬ I

**О ЖЕЛАНИЯХ
СМЕРТНЫХ**

Дружба — дочь добродетели. Злодеи могут быть сообщниками, но не друзьями.

*Франсиско Гойя. Комментарий к «Невероятно!»
(«¡Quién lo creyera!») из «Лос капричос» (1799)*

Глава 1

Все шло просто прекрасно — до самой резни. Кавалерия сэра Хьортта, две сотни копий, веером рассыпалась по деревушке, занимая позиции между фахверковыми домиками на кривых тропинках, назвать которые улицами мог бы только самый великодушный из землемеров. Боевые кони замедлили шаг и остановились практически одновременно; всадники сидели в седлах напряженно и прямо, похожие на копыя, притороченные к их стременам. Стоял не по сезону теплый осенний день, и после долгого марша по круто уходящей вверх долине солдаты и кони равно истекали потом, но все же никто из воинов не снял бронзовый шлем. Оружие, доспехи и сбруя сияли под ярким горным солнцем; чуть поблекшая алая ткань плащей прикрывала неизбежные пятна ржавчины — кавалерия словно выехала напрямиком из сказки или соскочила с какого-нибудь гобелена в доме старосты.

По крайней мере, такой она казалась деревенским жителям, подглядывавшим в щели ставен. В глазах же полковника сэра Хьортта всадники были конными головорезами, наемной шантрапой, которой едва достает мозгов исполнять то, что им приказывают. Если бы рыцарь мог научить боевых псов ездить на лошадях, то предпочел бы их этому сброду — вот такое доверие питал он к кавалерии Пятнадцатого полка. Не сказать, что великое доверие. Точнее, почти никакого.

Он не особенно любил и собак, но псу хоть можно доверять, даже если он только и умеет, что лизать себе яйца.

Деревушка раскинулась на последнем клочке луга перед смычкой двух крутых лысоверхих гор. Сумрачный лес, стоявший вокруг нее, напоминал капкан, расставленный глухоманью на неосторожного путника. Типичная горная деревня на Кутумбанском хребте, с одной лишь низкой каменной стеной, чтобы не пропускать волков и сдерживать мелкие лавины, которые окружающие горы наверняка сбрасывали на жилища, когда таяли снега.

Сэр Хьортт провел свой отряд напрямик через ворота в стене и вверх по главной дороге к самому большому дому в деревне. Пожалуй, только величиной он и отличался в выгодную сторону от остальных. Постройка окружена разросшимся шиповником, фасад из красного кирпича — в каких-то два с половиной этажа, без окон, расчленен каркасом из черных бревен. Замшелая соломенная крыша вздымается ведьминским колпаком, а ровно по центру расположены огромные двустворчатые двери, похожие на рот и достаточно высокие и широкие, чтобы два всадника проехали бок о бок, не снимая шлемов.

Пока сэр Хьортт добирался до бреши в изгороди перед домом, одна из дубовых створок была приотворена, но, едва он заметил эту деталь, дверь будто сама собой захлопнулась.

Сэр Хьортт улыбнулся и, натянув поводья перед кустами шиповника, выкрикнул, до предела понизив свой баритон:

— Я, сэр Эфрайн Хьортт Азгаротийский, командир Пятнадцатого кавалерийского полка Багряной империи, приехал посоветоваться с женой старосты. По дороге мне встретился ваш староста, и пока сей господин отдыхает в моем лагере...

Позади раздался смешок, но сэр Хьортт, обернувшись в седле, не разобрал, кто из его воинства совершил проступок. Хихикнуть мог даже кто-нибудь из двух его личных цепных телохранителей, остановивших коней у колючей изгороди. Он одарил обоих стражей и других ближайших всадников испепеляющим взглядом, который перенял у отца. Дело предстоит вовсе не смешное, и это должно быть ясно по тому, как сэр Хьортт обошелся с сиволапым старостой этой дерьм... деревеньки.

— Кхм. — Сэр Хьортт снова повернулся к дому и попробовал еще раз: — В то время как ваш староста отдыхает в моем лагере, я принес новости величайшей важности. Я должен поговорить с женой старосты незамедлительно.

И что? И ничего. Вся деревня молча, испуганно, исподтишка наблюдала за ним — он ощущал это большими ляжками, — но никто не осмелился выйти на улицу, чтобы помешать или помочь. Что за жалкие отродья эти крестьяне!

— Я повторяю снова! — воззвал сэр Хьортт, шпорами направляя коня во двор и приближаясь к двустворчатым дверям. — Как полковник Багряной империи и рыцарь Азгарота, я должен быть принят семьей вашего старосты, иначе...

Обе створки распахнулись, и волна огромных кудлатых существ хлынула на двор — они окружили азгаротийца прежде, чем тот успел податься назад или вытащить меч. Он услышал приглушенные колокольцы — очевидно, сигналившие, что засада удалась, потом голодное хрюканье стада и...

Скотина тупо топталась вокруг него, обнюхивая боевого коня широкими скользкими носами, однако теперь, вырвавшись из узилища, не выказывала ни малейшего намерения продолжать буйство.

— Ой, извините-простите, сэр, — послышался горский говор, и среди скотских боков показалась маленькая бледная рука, поднявшаяся из животного моря, как будто некий утопающий делал последнюю отчаянную попытку уцепиться за плавающее бревно.

Потом она ухватила за черную шкуру, и белобрысый мальчуган лет десяти или двенадцати ловко выметнулся вверх из толчеи, приземлился на широкую спину горной коровы и развернул зверюгу мордой к сэру Хьортту с той же легкостью, с какой азгаротиец управлял боевым конем. Но сия демонстрация искусства и ловкости не произвела на рыцаря особого впечатления.

— Жена старосты, — сказал сэр Хьортт. — Я должен встретиться с ней. Сейчас же. Она в доме?

— Наверное, — ответил мальчик, оглядываясь, — без сомнения, он выяснял положение солнца относительно гор, стеной возвышающихся над деревней. — Извините еще раз насчет моих коров. Бесятся, сэр: приходится рано их загонять из-за рогатого волка, которого видели за пару долин отсюда. А я... э-э-э... не запер дверь хлева как следует.

— Шпионил за нами? — спросил сэр Хьортт.

Мальчишка заухмылялся.

— Возможно, на этот раз тебе это сойдет с рук, если вытаскишь хозяйку из дома.

— Старостиха, наверное, у себя, сэр, наверху, но мне туда больше нельзя из-за моего скверного поведения, — сообщил мальчишка с явной гордостью.

— Это не ее дом? — Хьортт подозрительно оглядел строение.

— Нет, сэр. Это хлев.

Новый смешок из вероломного войска, но сэр Хьортт не даст тому, кто издал этот звук, удовольствия увидеть, как полковник вторично обернется в седле. Он найдет поганца после того, как будет выполнена боевая задача, и тогда подчиненные поймут, что бывает за насмешки над командиром. Как и остальные части Пятнадцатого полка, кавалерия, видно, считала своего нового начальника зеленым юнцом, поскольку ему и двадцати не исполнилось, но скоро он докажет, что «юный» и «зеленый» — не обязательно близкие понятия.

Теперь, когда местный чемпион езды на коровах вступил в беседу с пришельцами, веселенько раскрашенные двери начали приоткрываться и самые храбрые жители крадучись выбрались на крыльцо, явно изумленные появлением имперских солдат среди их деревни. Сэр Хьортт довольно крикнул — прежде кругом было так тихо, что он уже начал задумываться, не дошел ли до местных каким-то образом слухок о его приближении и не разбежались ли они по горам.

— Тогда где же дом старосты? — спросил он, прожигая парнишку суровым взором; поводья скрипнули в латных перчатках.

— Видите вон там дорожку? — указал тот на восток.

Проследив за его пальцем вдоль по проулку, мимо длинного общинного дома, сэр Хьортт заметил маленькую калитку в деревенской стене, а за ней едва заметную тропку, убегающую вверх по заросшему травой подножию самого крутого пика.

— Мою трубу, Портолес, — приказал сэр Хьортт, и телохранительница подъехала к нему.

Сэр Хьортт понимал, что, если бы вез бесценный предмет в собственной седельной суме, кто-нибудь из бандитов-солдат, скорее всего, нашел бы способ его стащить, но даже последний

дурак не рискнул бы обокрасть дюжую боевую монахиню. Она подала трубу, и сэр Хьортт вытащил тяжелый ястроглаз из футляра; это был единственный за всю жизнь отцовский подарок, не являвшийся оружием, и полковник наслаждался каждым случаем им попользоваться. Найдя тропинку, он пробежал по ней взглядом — вверх по лугу, до того места, где она уходила в окружавший деревню лес. Заросли желтеющих осин вклинивались между соснами и елями, и полковник, поведя ястроглазом вверх, увидел, что эта жилка золота продолжает бежать в гору, покрытую в основном хвойными деревьями.

— Видите? — произнес маленький пастух. — Они живут там, наверху. Недалеко.

Сэр Хьортт достиг кажущейся вершины и прислонился к дереву. Тонкий ствол прогнулся под его весом, медные листья зашелестели от прикосновения, белая кора оставила пыль на плаще. Череда поворотов, врезанных в забирающий все выше и круче склон горы, стала слишком опасной, чтобы ехать верхом, а потому сэр Хьортт и двое его телохранителей, брат Икбал и сестра Портолес, продолжили подъем по гранитным уступам пешком. У рыцаря не шли из головы мысли о возможной засаде, но ничего опаснее колибри на пути не попало, и теперь, когда глаза привыкли к странно рассеянному свету этой последней рощицы, он увидел скромный свежепобеленный дом, угнездившийся на краю очередного скального уступа.

В нескольких футах над полковником брат Икбал рассмеялся, а сестра Портолес выругалась, однако в женской брани веселья было больше, чем в мужском смехе. Шли и шли они меж деревьев, а потом начался последний подъем.

— Зачем бы, — пропыхтел Икбал, с чьего мясистого плеча свисала используемая не по назначению зерновая сума, которая замедляла и без того тяжелый шаг, — во имя... всех демонов Эмеритуса... старосте... жить... так далеко... от своей деревни?

— Могу придумать причину, да хоть три, — ответила Портолес, ставя шишку своей увесистой булавы на тропинку и опираясь на длинную рукоять. — Глянь-ка назад.

Сэр Хьортт остановился, и сам уже желая отдохнуть — даже в сравнительно легком конном доспехе это была отнюдь не дет-

ская прогулка, — и, обернувшись, уважительно присвистнул. Они поднимались быстро, и теперь их взорам открылась лубочная картинка — вся деревушка у подножия гор. За тонкой линией внешней стены вдаль убегала роскошная долина, петляющая речушка отделяла восточный кряж от западного. Сэра Хьортта вряд ли можно было назвать узколобым кровожадным мерзавцем, и уж он-то мог оценить прелесть жизни высоко над своими вассалами, среди головокружительной красоты. Возможно, когда эта злополучная миссия закончится, он перестроит жилище старосты в охотничий домик, где можно коротать лето и дышать чистым горным воздухом.

— Лучшая позиция в долине, — сказала Портолес. — Дает старосте вволю времени, чтобы решить, как принять любых гостей.

— Думаешь, она уже поставила для нас чайник? — с надеждой спросил Икбал. — Я бы не отказался от глотка охотничьего чая.

— Насчет этой миссии, полковник... — Портолес смотрела на сэра Хьортта, но так, чтобы не встретиться с ним взглядом. Она не слишком удачно скрывала смятение под бравадой с тех самых пор, как он сообщил, что нужно здесь сделать, и рыцарь мог с легкостью предсказать дальнейшее развитие разговора. — Я все думаю: этот приказ...

— А я все думаю: неужели ваши церковные начальники выдали мне вас, двух анафем, чтобы вы мямлили, и заикались, и засыпали меня вопросами на каждом шагу, а не выполняли мои распоряжения, не подчинялись полковнику империи? — перебил ее сэр Хьортт, и на щеках могучей женщины появился сиюшного оттенка румянец. — Вот уже почти век Азгарот — гордый и преданный слуга королей и королев Самота, в то время как ваши папы, помнится, бунтовали чуть не каждый церковный праздник. Так что потрудитесь объяснить, какая мне польза от ваших советов!

Портолес пробормотала извинение, а Икбал тревожно потеребил свою влажную сумку.

— Думаете, я в восторге от того, что нам нужно сделать? Думаете, я бы повел своих солдат на это, будь у меня выбор? Зачем бы мне марать руки, если можно достичь цели иначе? Зачем...

Сэр Хьортт еще только разогревался для серьезной выволочки, как вдруг его череп расколола дикая боль. Яркое и мучительное, это ощущение исчезло через миг, оставив полковника в тревожных раздумьях о парочке ведьморожденных телохранителей. Мог ли кто-то из них навести головную боль своими демоническими средствами? Наверное, нет: если подумать, то приступы часто одолевали его в этих горах, а прежде он и не упоминал о плане.

— Идемте, — велел он, решив оставить эту тему, обойтись без дальнейших проповедей. Даже если у телохранителей имеются какие-то сомнения, эта миссия даст наглядный урок, докажет, что лучше галопом пронестись сквозь неизбежные неприятности, чем волочить ноги, пережевывая отвратительные подробности. — Давайте покончим с этим. Я хочу выехать из долины до темноты: дорога прескверная.

Они завернули за крутой поворот по убегавшей все выше тропинке, и грубо вытесанные ступени вывели их на очередное плато, к жилищу старосты. Оно всем походило на домишки в деревне, но имело террасу, выступавшую за край небольшой скалы, и белый заборчик. Довольно мило, подумал сэр Хьортт, вот разве что забор из костей и каждое выгнутое наружу лосиное ребро увенчано черепом какого-нибудь животного. Черепа сурков и горных лисиц перемежались совомышиными, а уже над дверью висела сушая громадина, наверняка принадлежавшая рогатому волку. Когда пастушонок упомянул подобное чудище, якобы замеченное в округе, сэр Хьортт решил, что у мальчишки голова набита тем же, чем брюхо у его коров, но, может быть, парочка зверюг все еще рыщет в этих пустынных горах. Как увлекательно было бы поохотиться на столь редкостную дичь!

Тут дверь под черепом скрипнула, и в проеме появилась женская фигура.

— Приятная встреча, друзья, вы проделали долгий путь, — поприветствовала женщина.

Она была крепкая и мускулистая, хоть и не столь могучая, как Портолес, и с лицом таким же суровым, как склон горы ниже ее дома. Пожалуй, когда-то она выглядела весьма недурно, в деревенском стиле: с длинными волосами — ныне серебристыми, а тогда светлыми, или темными, или рыжими, забранными

в косы на затылке, как нравилось Хьортту... Но сейчас перед ним стояла просто старуха — похожая на любую, разменявшую пятьдесят зим. Судя по перепутанным костяным амулетам, свисавшим с ветвей единственного дерева во дворе, высокого черноствольного тополя с листьями седыми, как локоны хозяйки, она могла еще и ведьмой оказаться.

Икбал ответил на ее любезность такой же учтивостью:

— Приятная встреча, мамаша, воистину приятная. Я представляю вам сэра Хьортта Азгаротийского, командира Пятнадцатого кавалерийского полка Багряной империи. — Анафема бросил взгляд на полковника, но, видя, что сэр Хьортт отнюдь не рвется знакомиться с возможной ведьмой, шепнул: — Это просто старая ворона, сэр, не о чем беспокоиться.

— Старая ворона или желторотый птенец, а я бы не стала вслепую соваться в совомышиное гнездо, — возразила Портолес, шагнув мимо сэра Хьортта и Икбала, чтобы обратиться к старой женщине на багряноимперском языке: — Во имя Понтифика Запада и Королевы Всего Прочего, приказываю вам выйти сюда на свет, женщина.

— Королевы Всего Прочего? — Подчиняясь приказу Портолес, хозяйка спустилась по скрипучим ступенькам крыльца и приблизилась к забору. Для жены старосты ее клетчатое платье с плотно облегающим лифом и широкой юбкой было простовато — такой же наряд, как у любой деревенской жительницы. — И Понтифика Запада? Последний бродячий торговец, который здесь проходил, принес слухи, что война папы Шанату идет не так уж гладко, но с тех пор, насколько я понимаю, многое изменилось. А эта владычица Всего Прочего, будь она благословенна, кем бы ни была, все еще королева Индсорит? И значит ли это, что вновь установлен мир?

— Эта птичка много слышит на своей ветке, — пробормотал сэр Хьортт и обратился к женщине: — Вы действительно жена старосты?

— Я и сама староста, госпожа Виви, жена Лейба, — ответила та. — И спрашиваю со всем моим почтением: к кому полагается обращать молитвы, когда я в следующий раз...

— Справедливое правление королевы Индсорит продолжается, будь благословенно ее имя, — просветил старосту сэр

Хьортт. — Папа Шанату, благословенно будь и его имя, получил весть свыше, что время его как Пастыря Самога подошло к концу и посему война окончена. Его племянница Джирелла, благословенно будь ее имя, взошла на свое законное место на Ониксовой Кафедре и приняла титул папессы И'Хомы Третьей, Матери Полночи, Пастыриши Заблудших.

— Ясно, — покивала госпожа староста. — И наша возлюбленная Индсорит, приняв отречение мятежного папы и выдвижение на сей высокий пост его родственницы, да продлится ее величие, сменила свой благородный титул? «Королеву Самога, Сердце Звезды, Самоцвет Диадемы, Хранительницу Багряной империи» на... э-э-э... «Королеву Всего Прочего»? — Тонкие морщины на лице женщины проступили от улыбки четче, и Портолес чуть заметно улыбнулась в ответ.

— Не стоит принимать своеобразное чувство юмора моей подчиненной за перемены в политике; титулы королевы остались прежними, — заявил сэр Хьортт, раздумывая, какому наказанию подвергнуть Портолес.

Если она возомнила, что столь неподобающие при командире выражения будут ей прощены лишь потому, что здесь нет свидетелей-церковников более высокого ранга, то эту ведьможденную уродину ждет много интересного. Он будет даже рад, если монахиня не подчинится и тем даст повод избавиться от нее. На высоком азгаротийском он повелел:

— Портолес, вернись в деревню и передай мой приказ выполнять задачу. Пока ты будешь спускаться, я здесь вполне все проясню.

Портолес напряженно обернулась к сэру Хьортту; ее жалкая хмурая гримаса выдала тайную надежду, что командир передумает. Это уж вряд ли, демон тебя дери. Также на азгаротийском монахиня-воительница проговорила:

— Я... Полковник Хьортт, я только собиралась сперва заглянуть в дом. Убедиться, что все безопасно.

— Конечно, сестра Портолес, добро пожаловать, добро пожаловать, — произнесла хозяйка на том же древнем и высоком наречии предков сэра Хьортта.

Неожиданный поступок. Но ведь Звезда была иной в юные годы этой старушенции, и, возможно, староста повидала в жиз-

ни кое-что, кроме своей горы в далеком захолустье. Теперь, когда Виви подошла ближе, полковник увидел, что на ее щеках больше шрамов, чем морщин; особенно грубый и кривой красовался на подбородке; и впервые с момента прибытия гостей пробежала тень беспокойства по грубому ландшафту ее лица. Это хорошо.

— У меня на кухне спит старый гончий пес, и я бы не хотела, чтобы вы потревожили его сон. А в прочем смысле я одна. Но, любезный полковник, Лейб должен был утром явиться на перекресток...

Проигнорировав слова старосты, сэр Хьортт вслед за Портолес прошел в ворота и направился через двор по дорожке из плоских цветных камней. Они были подобраны без всякого вкуса; придется перво-наперво нанять каменщицу, которая делала ваннные комнаты в его фамильном замке в Кокспаре, или, может быть, ее ученика, если капризная мастерица не пожелает проехать сотню лиг, чтобы переложить дорожку в этой глуши. Мозаика с миниатюрами животных вполне подойдет — или, пожалуй, можно взять индиговые плитки, чтобы дорожка смахивала на ручеек. Но ведь полк пересекал вброд ручей, после того как миновал деревню, так почему бы не найти его исток и не изменить русло, чтобы через двор текла настоящая вода? Наверняка это не слишком сложно: вон там выкопать канаву между деревьями, а потом пусть ручей сбегает со скалы позади террасы, создавая миниатюрный водопад...

— Пусто, — доложила Портолес, выходя из дома.

Сэр Хьортт слишком увлекся своими мыслями — а все нелегкий подъем в гору и долгий поход перед тем. Портолес молча зашла за спину хозяйке, стоявшей на дорожке между сэром Хьорттом и своим домом. Матрона теперь выглядела встревоженной. Отлично.

— Полковник Хьортт, вы не встретили у перекрестка Лейба, моего мужа? — Теперь ее голос звучал слабее, едва ли громче шелеста трепещущих осин.

Вот что приятно услышать, лежа в постели после целого дня утомительной охоты: шорох золотых листьев за окном.

— Новый план, — сказал сэр Хьортт, уже не прибегая к официальному азгаротийскому, коль скоро эта женщина все равно

на нем говорит. — То есть в целом он такой же, как первоначальный, но только мы не уезжаем до темноты, а остаемся на ночь здесь. — Улыбнувшись старухе, он добавил: — Не волнуйтесь, госпожа староста, не волнуйтесь, я не размещу солдат в вашей деревне. Они разобьют лагерь за стеной, как закончат. Мы выедем... — Ему пришла в голову мысль о ночлеге в настоящей постели. — Мы выедем завтра в полдень. Сестра, явитесь с докладом, когда дело будет сделано.

— Что бы вы ни планировали, сэр, давайте поговорим, прежде чем вы приступите к своему делу, — сказала старуха, словно с нее вдруг спало заклятие гостеприимства. Новая, жесткая манера сэру Хьортту совершенно не понравилась. — Ваш офицер наверняка может подождать пару минут, прежде чем отправится с поручением, тем более если вы намерены остаться в гостях на ночь. Давайте поговорим по душам, и какие бы приказы вам ни были отданы, как бы ни подгоняла вас необходимость — вы не пожалеете о времени, потраченном на беседу со мной.

Портолес через плечо хозяйки смотрела собачьими глазами, и от этого сэра Хьортта подташнивало. Хорошо хоть Икбалу хватило достоинства, чтобы не отвести надменный взгляд от матроны.

— Может сестра Портолес подождать или нет, она этого делать не будет, — отрезал сэр Хьортт. — Мы с вами уже говорим — прямо сейчас, заметьте, — но я не вижу причин задерживать мою подчиненную.

Старуха оглянулась на Портолес, нахмурившись при виде распахнутой двери, и пожала плечами. Как будто ей было что сказать о том, как все должно происходить. Одарив сэра Хьортта явно фальшивой улыбкой, она произнесла:

— Как пожелаете, любезный сэр. Я лишь предположила, что сестра вам понадобится, пока мы беседуем, поскольку это может занять некоторое время.

Помилосердствуй, Падшая Матерь, неужели каждый встречный считает, что лучше самого сэра Хьортта знает, как тому себя вести? Это не пройдет.

— Любезная хозяйка, — ответил он, — похоже, у нас есть намного больше тем для разговора, чем я предполагал. Однако дело сестры Портолес не терпит отлагательств, и она должна

отбыть, прежде чем мы приступим к долгой беседе, которой вы так желаете. Но не бойтесь, ибо условия прошения, которые изложил нам ваш муж на перекрестке, будут выполнены, поскольку они, бесспорно, разумны. Отправляйся, Портолес.

Та сардонически отдала ему честь из-за плеча старухи, а после с обычным своим дерзким и недовольным видом двинулась широким шагом прочь со двора. Икбал что-то шепнул ей, отходя с дорожки, и не успел отскочить, когда она его лягнула, а потом и хлестнула по деформированному уху, торчавшему из бледной тонзуры, как верхний лист переспелого кочана капусты. Ярость исказила лицо монахини-воительницы, сделав еще менее привлекательным, хотя куда уж дальше? Икбал в ответ замахнулся увесистой сумой; Портолес увернулась от удара, но темное дно мешка забрызгало ее красными каплями. Если сестра и почувствовала кровь на своем лице, то не потрудилась вытереться. Поправив булаву, свисавшую с ссутуленного плеча, она медленно двинулась вниз по коварной тропинке.

— Мой муж, — прошептала хозяйка.

Обернувшись к ней, сэра Хьортт увидел, что расширившиеся глаза прикованы к сочащейся красным суме Икбала.

— Лучше нам в доме поговорить, — сказал сэра Хьортт, подмигивая Икбалу и тесня женщину к двери. — Идемте-идемте, у меня есть блестящая мысль насчет того, как вы и ваши люди можете подействовать в военной операции, и я предпочел бы обсудить ее за чаем.

— Вы сказали, война закончилась, — глухо произнесла женщина, не сводя глаз с мешка.

— Так и есть, так и есть, — поспешил подтвердить сэра Хьортт. — Но согласитесь, что операцию необходимо выполнить, дабы гарантировать, что война не возобновится. Итак, чем вы утолите жажду слуг империи, вернувшихся с фронта?

Хозяйка помедлила, но деваться было некуда, и она проводила сэра Хьортта и брата Икбала в дом. Во дворе стояла тишина, только шелестели листья да пощелкивали костяные амулеты, когда ветер гладил щетинистую щеку горы. Вопли не начнутся, пока сестра Портолес не спустится в деревню, а там все будут слишком заняты, чтобы обращать внимание на звуки, доносящиеся из дома старосты.